

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 27–32. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 27–32. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN JYARLQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-27-32>

ТОПОС ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ И УСАДЕБНЫЙ МИФ В «ЗАПИСКАХ НА МАНЖЕТАХ» М.А. БУЛГАКОВА

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье рассматривается топос Ясной поляны и реализуемый Булгаковым в одном из эпизодов книги «Записки на манжетах» *усадебный миф*. Отмечается контраст хронотопов Ясной Поляны, Владикавказа и Москвы. Эпизод, изображающий усадебное бытие, становится единственным свидетельством заботы о человеке, внимания к нему, уважения личного пространства, которые в новой советской действительности отсутствуют. Он имеет большое значение в реализации многих мотивов произведения: естественного и душевного голода, нищеты, литературного труда, необходимости самостоятельной организации рабочего дня, ценности творчества. Автор статьи предполагает, что сон героя с иллюстрацией усадебного прошлого был призван служить своеобразным переходом к третьей части книги.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, «Записки на манжетах», автобиографический герой, Л.Н. Толстой, усадьба, усадебный топос, усадебный миф, революция, литературная среда.

Для цитирования: Андреева В.Г. Топос Ясной Поляны и усадебный миф в «Записках на манжетах» М.А. Булгакова // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 27–32. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-27-32>

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051-П: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», <https://rscf.ru/project/22-18-00051>

Research Article

THE TOPOS OF YASNAYA POLYANA AND THE ESTATE MYTH IN M.A. BULGAKOV'S "NOTES ON THE CUFFS"

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article examines the topos of Yasnaya Polyana and the estate myth realized by Bulgakov in one of the episodes of the book "Notes on the Cuffs". The contrast of the chronotopes of Yasnaya Polyana, Vladikavkaz and Moscow is noted. The episode depicting the estate existence becomes the only evidence of care for a person, attention to him, respect for personal space, which are absent in the new reality. It is of great importance in the implementation of many motives of the work: natural and spiritual hunger, poverty, literary work, the need for independent organization of the working day, the value of creativity. The author of the article suggests that the hero's dream with an illustration of the estate past was intended to serve as a kind of transition to the third part of the book.

Keywords: M.A. Bulgakov, "Notes on the Cuffs", autobiographical hero, L.N. Tolstoy, estate, estate topos, estate myth, revolution, literary environment.

For citation: Andreeva V.G. The Topos of Yasnaya Polyana and the Estate Myth in M.A. Bulgakov's "Notes on the Cuffs". Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 27–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-27-32>

Acknowledgments. This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051-P "Estate and dacha in Russian literature of 20th–21st centuries: the fate of the national ideal", <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

«Записки на манжетах» (1922–1923) М.А. Булгакова – одно из первых произведений писателя, в котором немаловажную роль играет появляющийся в одном из эпизодов книги топос Ясной Поляны. Булгаков, в раннем творчестве часто ориентировавшийся на лучшие произведения классиков, одновременно создает и *усадебный миф* о Толстом, связанный с местом усадебной жизни великого писателя. Целью данной работы является осмысление роли и места *усадебного топоса* и *усадебного мифа* в книге Булгакова «Записки на манжетах» – произведения сложного и специфического с точки зрения композиции и затронутых проблем, принципов изображения и отбора материала. Это книга автобиографическая и при этом критическая, сатирическая, рассказывающая о жизни, точнее о непросто существовании героя во Владикавказе и потом в Москве. Повествование отрывочно и субъективно, чем-то напоминает эго-документы, порою – дневник, проглядывают в книге исповедальные мотивы, однако в большей степени она представляет собой достаточно разорванную цепь событий и зарисовок, мелькание которых в полной мере передает суету и хаотичность первых нескольких лет послереволюционной жизни.

Комментаторы произведения в собрании сочинений писателя отмечают своеобразный параллелизм, лучше даже сказать поэтапность, последовательность в появлении «Записок на манжетах» и «Записок юного врача» Булгакова, подчеркивая, что первое произведение подготовило почву для второго: «Появившиеся через несколько лет рассказы о враче, не случайно сближенные с “Записками на манжетах” заглавием (“Записки юного врача”), давали герою булгаковской прозы новое измерение: перед читателем оказывалась как бы предшествующая стадия его бытия» [Лурье: 605]. По справедливому суждению исследователей, у «Записок на манжетах» предыстории не было. Можно подумать, что их автору фактически нечего было вспоминать. Однако это, конечно, не так. Несмотря на острую полемичность «Записок на манжетах», нередко проявляющуюся иронию автора, есть в книге то жизненное утверждение, которое Булгакову было дорого, – это прежняя жизнь рубежа XIX–XX вв., усадебный быт. И чем больше Булгаков погружался в перипетии новой советской действительности, тем более дорогой и невозвратимой выглядела старая жизнь. В.Я. Лакшин отметил по этому поводу: «Можно лишь догадываться, что первые впечатления революции в смоленской деревне, когда горели барские усадьбы, пожаром гулял мужицкий гнев, а ревкомы крутой поры военного коммунизма осуществляли в Вязме бессудные расправы, произвели сильное впечатление на Булгакова и заметно качнули его в сторону старого режима, с которым связывалось в воспоминании “мирное время”, счаст-

ливое “до войны”: просторный уютный дом, любящие братья и сестры, ноты “Фауста” на пюпитре рояля, светло, тепло, жена молодая...» [Лакшин: 14].

Москва начала 1920-х гг. была полна людьми, ищущими пристанище, работу, одним из фактически нищих странников, приехавших в столицу, стал и Булгаков. М.А. Котова отмечает, что «в начале 1920-х годов Москва кипела – город поразил жилищный кризис, толпы приезжих искали в столице комнату или хотя бы угол в любом подходящем для жилья помещении» [Котова: 50]. В подобной ситуации Булгаков прекрасно понимал невозвратимость былой усадебной счастливой жизни, пусть и не роскошной, но окружающей человека, особенно творческого, спокойствием и расположением как к сельскохозяйственной (в летнюю пору), так и к кабинетной работе (в осенне-зимний период). Уместно в данном случае процитировать в качестве примера письмо Л.Н. Толстого к А.А. Фету (оба были увлечены сельскохозяйственным трудом в своих имениях, совмещая его с писательской работой). 1..3 мая 1863 г. Толстой сообщал своему корреспонденту: «Теперь я пишу историю пегого мерина, к осени, я, думаю, напечатаю. Впрочем, теперь как писать, теперь незримые усилия даже зримые, и притом я в юнстве (этим словом в семье Толстых называли хозяйственную деятельность, сельскохозяйственный труд. – В.А.) опять по уши. И Соня со мной. Управляющего у нас нет, есть помощники у меня по полемому хозяйству и постройкам, а она одна ведет контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый сад, и винокурня» [Л.Н. Толстой: 364–365].

Эпизод с изображением Ясной Поляны становится в «Записках на манжетах» Булгакова единственным, но при этом очень ярким свидетельством заботы о человеке, внимания к нему, уважения личного пространства. Этот эпизод контрастен всему остальному повествованию в книге; хронотоп Ясной Поляны противопоставлен хронотопу Владикавказа и Москвы. Однако воображаемое появление в Ясной Поляне, рядом с Софьей Андреевной, не настоящего Льва Толстого, а героя из «Записок на манжетах» создает еще один конфликт, усугубляемый поведением мнимого графа.

Расположенная почти в конце книги Булгакова сцена с пребыванием героя в Ясной Поляне имеет немаловажное значение в реализации многих мотивов произведения: естественного и душевного голода, литературного труда, нищеты, необходимости самостоятельной организации рабочего дня и т. д. Многие смысловые акценты, намеченные в «Записках на манжетах», проявляются постепенно, причем они оказываются по-разному, порою двойственно связаны со сценой пребывания героя в Ясной Поляне. К примеру, характерно присутствующее

в начале книги, во время болезни героя, его желание сбежать, убежать из Владикавказа. Сложно тут не вспомнить про «побег», «уход» из Ясной Поляны самого Л.Н. Толстого. Также примечательно постоянно присутствующее на протяжении книги чувство голода главного героя, которое сопровождает его и во Владикавказе, и далее в Москве: «Помидоры. Черного хлеба не помногу. И араки. Какая гнусная водка! Мерзость» [Булгаков: 482]. «...Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу, что ж мы будем есть?» [Булгаков: 486]. «Я голоден, я сломлен! В мозгу у меня нет крови. Я слаб и боязлив. Но здесь я больше не останусь» [Булгаков: 490]. На фоне отсутствия мяса и вообще сытной пищи в рационе главного героя «вегетарианский обед» Толстого выглядит чуть ли не издевательством.

Топос Ясной Поляны появляется у Булгакова в маленькой главе «О том, как нужно есть»: после первого на протяжении всего сюжета сытного обеда герой видит сон, в котором ему представляется, что сам он Лев Толстой, женат на Софье Андреевне: «Я сижу наверху в кабинете. Нужно писать. А что писать, я не знаю. И все время приходят люди и говорят: “Пожалуйста обедать”» [Булгаков: 506]. В воображении героя присутствует определенный *усадебный топос*, в котором есть дом Толстого с характерной планировкой, кабинет писателя, деревянная лестница. При этом предлагаемое описание быта и поведения якобы Толстого, зафиксированное в книге, становится мифом о яснополянской жизни: читатель в свете мотивов, реализованных Булгаковым, пытается воплотить усадебную жизнь (какой она была бы) с поправкой на современные ему знания и реалии. О.А. Богданова отмечает близость понятий *усадебный топос* и *усадебный миф*, важность их разграничения: «...Топос – категория, связанная не только с пространственностью и культурной памятью, но и с многовековой продолжительностью, диахронией; миф же в Новое время способен спонтанно возникать в какой-либо точке культурного развития, становясь формой как идеологического, так и образно-интуитивного освоения новых социокультурных феноменов, задавая стратегию их встраивания в культурное поле нации, региона, мира» [Богданова: 54].

Мастерское воплощение Булгаковым эпизода из жизни великого писателя в Ясной Поляне противопоставлено современной герою действительности, ее беспокойному ритму, который не оставляет времени на размышления и творчество. Именно поэтому страх, боязнь, так часто появляющиеся на страницах «Записок на манжетах», перемещаются и сюда, в усадебное бытие. Современная исследовательница отметила, что «тематическая группа “Страх/Ужас” объединяет лексические единицы, номинирующие данную эмоцию и симптомы ее проявления у главно-

го героя, в нее также входят соответствующие квалификаторы, характеризующие эмоциогенные объекты и ситуации» [Кривошеева: 119]. Страх героя, который он чувствует во сне, связан с подлогом: он сидит в кабинете Льва Толстого, по сути является для всех Львом Толстым, но при этом сам знает, что он совершенно другой человек. Боязнь героя и ее интерпретация позволяют говорить о частотности мотива творчества в книге и его реализации в данной сцене:

«А я боюсь сойти. И так дурачки: чувствую, что тут крупное недоразумение. Ведь не я писал “Войну и мир”».

А между тем здесь сижу. И сама Софья Андреевна идет вверх по деревянной лестнице и говорит:

– Иди. Вегетарианский обед» [Булгаков: 506].

По масштабу и уровню постижения действительности, по своей величине и монументальности «Записки на манжетах» являются антитезой роману-эпопее «Война и мир», но обостренное чувство авторства у автобиографического героя, который является писателем и не раз ориентировался на Толстого и сравнивал себя с ним, ведет его в сновидении.

Специалисты по творчеству Булгакова не раз обращали внимание на откровенный тон писателя, на его исповедальность и на «дневниковый» характер «Записок на манжетах», который, «с одной стороны, мотивирует недоговоренности, с другой же – требует интенсивного читательского внимания к тексту, вынуждая достраивать оставленное за его пределами. Напряженность отношений между текстом и затекстом – важная и художественно значимая черта “Записок на манжетах”» [Лурье: 606]. Ключевым автором XIX в., дневник которого был на слуху, являлся для русских людей XX в., конечно же, Толстой.

Герой Булгакова по-своему доводит до апогея те семейные конфликты, которые происходили между Л.Н. Толстым и Софьей Андреевной, и, в частности, касались именно благ усадебной жизни и того, что Толстому казалось роскошью, а Софье Андреевне – необходимостью.

Скорее всего, Булгаков был неплохо осведомлен о том, что жизнь супругов Толстых в последний период творчества писателя не была гладкой. Н.Г. Михновец в книге «Любовь и бунт» представила очень удачную подборку из дневников и воспоминаний самого Толстого, Софьи Андреевны, людей, вхожих в их семью, отметив при этом, что частная жизнь писателя перестала быть к 1910 г. секретом для общества: «Окружающие великого Толстого уже давно начали фиксировать каждое его слово, богаты фактами были ежедневные яснополянские записки деликатного человека доктора Д.П. Маковицкого, вместе с тем в 1910 году не только расширился круг записывающих, но и, в отдельных случаях, появилась заданность в наблюдениях» [Михновец: 28]. Вместе с тем,

исследовательница подбирает цитаты, которые показывают, что кризис в семье был значительным. Приведем как пример отрывок из дневника Софьи Андреевны: «Вечер. Опять было объяснение, и опять мучительные страдания. Нет, так невозможно, надо покончить с собой. Я спросила: “С чем во мне Лев Ник. хочет бороться?” Он говорит: “С тем, что у нас во всем с тобой разногласие: и в земельном, и в религиозном вопросе”. Я говорю: “Земли не мои, и я считаю их семейными, родовыми”. – “Ты можешь *свою* землю отдать”. Я спрашиваю: “А почему тебя не раздражает земельная собственность и миллионное состояние Черткова?” – “Ах! Ах, я буду молчать, оставь меня”. Сначала крик, потом злобное молчание» [Михновец: 39].

Голодный герой Булгакова, воплотившийся во сне в образе Толстого, отказывается от вегетарианского обеда, сердится, доводит до слез супругу собственными возражениями и требованиями. Однако конфликт в «Записках на манжетах», как мы видим, ориентируясь на пожелания мнимого графа Толстого, перевернут. Испытавший сложности герой, увидевший революцию и послереволюционные будни, крушение усадеб, имеет совсем другую точку зрения. В.В. Курьянова точно отметила: «Оказавшись во сне на месте Толстого, Михаил хотел бы воспользоваться всеми внешними благами, предоставленными великому писателю, теми благами, отсутствие которых не позволяет ему жить и творить достойно. Но булгаковская ирония заключается не в профанировании образа Толстого, несмотря на использование традиционных для профанного вектора биографического мифа о Льве Толстом маркеров плачущей жены, духоборов и вегетарианства» [Курьянова: 327]. Герой Булгакова отказывается от вегетарианского обеда, ведет себя вызывающе, потому что возможность жизни в усадьбе навсегда утрачена, потому что чувствующий в себе силы к творчеству герой вынужден заменять талант на ремесло, поденную работу, потому у него нет не только рабочего кабинета, но даже письменного стола: «И когда все кругом мертво спит, писатель читает мне свою новую повесть. Некому больше ее слушать. Ночь плывет. Кончает и, бережно свернув рукопись, кладет под подушку. Письменного стола нету» [Булгаков: 482]. М.С. Штейман справедливо пишет, что «исповедальная проза Булгакова была для того времени достаточно смелым шагом. Она изначально не совпадала с общей направленностью советской литературы, стремящейся запечатлеть драму народной жизни в огне гражданской войны. Главным для нее было запечатлеть массовость революции, ее социально-политические и нравственные цели. А Булгакова не привлекали процессы, происходившие в общественном сознании народных масс. Его интересовала проблема соотношения револю-

ции и войны и вечных ценностей. Писатель стремился сохранить лучшие нравственные и культурные традиции дореволюционной русской интеллигенции» [Штейман: 93].

К топосу Ясной Поляны и толстовского кабинета в «Записках на манжетах» необходимо подойти еще и с другой стороны. Автобиографический герой Булгакова не эмигрировал в Париж, он перебрался жить и работать в Москву, поближе к новой советской власти, сотрудничество с которой сам писатель воспринял не только как средство не погибнуть с голоду, но и как вынужденный поворот судьбы. В ситуации относительной конфронтации с властью Булгакову будет мало разрешено, однако себя он воспринимал как наследника великих русских классиков, и этого ощущения у писателя было не отнять.

Как мы уже отметили, герой Булгакова в книге лишен предыстории: «Его прежний статус отменен, новый еще не сложился. Энергичные действия не приносят успеха, а только ухудшают ситуацию. Встроиться в новый социальный механизм, войти в контакт с “массой” он может только одним, неестественным для него путем – написав заведомо “бездарную” пьесу» [Лурье: 605]. Однако автобиографический персонаж Булгакова, как и ранние герои Л. Толстого и Достоевского, является мечтателем, для которого душевная жизнь значит иногда больше, чем окружающая обстановка: «Главные коллизии бытия большинства его героев происходят из несоответствия реальности жизни тому идеалу, который порождается их мечтательностью. <...> Мечтательность помогает человеку увидеть сложность, вариативность окружающего бытия, именно поэтому он оказывается более проникательным, он видит в мире больше возможностей для себя, чем обычный человек...» [Евлампиев: 149–150]. Приезжая в Москву, герой «Записок на манжетах» надеется, что окунется в полную событий и литературных встреч жизнь, что сможет общаться с литераторами, коллегами по цеху. Однако этого не происходит: герой приезжает фактически в пустоту: «В Лито не было ни стульев, ни столов, ни чернил, ни лампочек, ни книг, ни писателей, ни читателей. Коротко: ничего не было» [Булгаков: 496]. Эта пустота является свидетельством не просто отсутствия вещей, дефицита, но и душевной, идейной пустоты, неустроенности жизни, когда старое разрушено, а до нового содержания никому нет дела. Какие воспоминания остаются герою? Конечно, усадебные. Из «пустоты» (то есть невообразимо откуда, учитывая ситуацию в Москве того времени) герой достает старинную конторку красного дерева. В конторке оказывается артефакт прошлого: «В ней я нашел старый пожелтевший золотообрезный картон со словами: “...дамы в полуоткрытых бальных платьях. Военные в сюртуках с эполетами; граж-

данские в мундирных фраках и лентах. Студенты в мундирах. Москва 1899 г.» [Булгаков: 496]. Герой-мечтатель додумывает и медлительную, печальную барышню, которая появляется за конторкой.

Усадебный миф, точнее, усадебные образы, воссозданные героем Булгакова, связаны также с мотивом неузнанности большого художника и высокой ценности его личности. Символично, что в тексте Булгакова духобор с окладистой рыжей бородой не узнает своего известного сторонника и благодетеля, называя его Львом Ивановичем вместо Льва Николаевича. Это вызывает приступ гнева мнимого графа: автобиографический герой Булгакова в этот момент всерьез встает на место Толстого, отвечая и за него, и за себя, за русскую литературу: «Какой я Лев Иванович? Николаевич! Пошел вон из моего дома! Вон! Чтобы ни одного духобора» [Булгаков: 506]. Появление духобора в тексте Булгакова также символично: духоборы, переселившиеся в Канаду с помощью Толстого, особенно отколовшееся от них течение «свободников» быстро забыли и помощь Толстого, и его самого [см.: Христенко: 245].

Обезличенность московского послереволюционного пространства связана с отсутствием настоящих хозяев у квартир и домов; произошедший передел собственности привел к тому, что люди для проживания стали искать углы. Ясная Поляна и как конкретный локус, и как составляющая *усадебного мифа* прочно связана с Толстым. Мы уже писали о том, что, создавая финал своего романа «Воскресение», вышедшего в свет в последний год XIX в., Толстой «не представлял иной формы жизни в имении, нежели та, какую он вел сам в усадьбе Ясная Поляна или в Хамовническом доме в Москве» [Андреева: 152]. В условиях советской действительности, после смерти Толстого и осуществившейся революции, Ясная Поляна некоторое время продолжала оставаться домом С.А. Толстой и ее детей, однако в 1921 г. (как раз в период работы Булгакова над «Записками на манжетах»), усадьбе был присвоен статус музея. Наступило то время, когда Толстого-писателя, мыслителя и человека можно было лучше понять, оказавшись в его доме, прикоснувшись к его быту и вещам. И это теперь уже советское усадебное наследие также было дорого Булгакову.

Подводя итоги и возвращаясь к вопросу о роли усадьбы Ясная Поляна в «Записках на манжетах» Булгакова, необходимо кратко сказать и о том, что в итоговом тексте произведения оказались реализованными лишь две первые части книги из трех задуманных, которые Булгаков отдаленно соотносил, вероятно, с «Мертвыми душами»: «Трехчастность напоминает (может, и пародийно) трехтомность гоголевских “Мертвых душ”, которые Булгаков тогда перечитывал. Первая часть – мрак искаженного

и псевдокультурного существования (характерная деталь: пушкинский вечер, украшенный портретом поэта, на котором Пушкин похож на Ноздрева). Вторая часть – признаки жизненной активности, духовного пробуждения, неявное присутствие новых классиков (“Брюсов с Белым”). Третья часть, если следовать гоголевской логике, должна быть патетической, обращающей к русской классике, но, как и в гоголевской поэме, эта часть лишь угадывается в первых двух и существует как вдохновляющий мираж» [Кораблев: 233]. По всей видимости, сон героя с иллюстрацией усадебного прошлого Ясной Поляны и подлинного литературного труда, направленного не на заработок, а на преображение мира и напоминание о главных нравственных заветах, был призван служить своеобразным переходом к третьей части книги. Скорее всего, в ней, как «вдохновляющий мираж», могла быть полностью раскрыта утраченная в реальности, но требующая возрождения в будущем форма усадебной жизни.

Список литературы

Источники

Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. 623 с.

Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1978. 495 с.

Исследования

Андреева В.Г. Усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 144–154. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12>

Богданова О.А. Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 560 с.

Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Две версии портрета «человека усиленно сознающего»: «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как творческий отклик на «Отрочество» и «Юность» Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 142–175. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-142-175>

Кораблев А.А. Контуры русской литературы в «записках на манжетах» Михаила Булгакова // Донецкие чтения 2024. Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. С. 233–235.

Котова М.А. Михаил Булгаков в московских редакциях: «Записки на манжетах» // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI вв.: Материалы Одиннадцатых и Двенадцатых Международных научных чтений, приуроченных к дню ангела писателя. М.: Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Музей М.А. Булгакова», 2022. С. 50–64.

Кривошеева И.А. Апокалиптические мотивы в повести М.А. Булгакова «Записки на манжетах» // Наука сегодня: вызовы и решения. Вологда: «Маркер», 2016. С. 118–119.

Курьянова В.В. Миф о Л.Н. Толстом в русской литературе начала XX века: дисс. ... докт. филол. наук. Симферополь, 2015. 477 с.

Лакишин В.Я. Мир Михаила Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 5–70.

Лурье Я., Рогинский А., Чудакова М. Комментарии // Булгаков М.А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 549–622.

Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. 928 с.

Христенко Д.Н. Русские классики и судьба России в произведениях американского писателя Мориса Хиндуса // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 240–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257>

Штейман М.С. Исповедальные интенции в «Записках на манжетах» М. Булгакова // *Filologos*. 2016. № 31(4). С. 89–93.

References

Andreeva V.G. *Usad'by v romane L.N. Tolstogo "Voskresenie": ot oblicheniia roskoshi k zhizni na zemle* [Estates in L.N. Tolstoy's Novel "Resurrection": From the Denunciation of Luxury to Life on Earth]. *Filologicheskii klass* [Philological Class]. 2021, vol. 26, no 2, pp. 144–154. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12> (In Russ.)

Bogdanova O.A. *Germenevtika literaturnoi usad'by: teoriia, istoriia, sovremennost' / otv. Red. M.V. Skorokhodov* [Hermeneutics of the Literary Estate: Theory, History, Modernity, ed. M.V. Skorokhodov]. Moscow, IWL RAS, 2024. 560 p. (In Russ.)

Evlampiev I.I., Matveeva I.Iu. *Dve versii portreta "cheloveka usilenno soznaiushchego": "Zapiski iz podpol'ia" F.M. Dostoevskogo kak tvorcheskii otklik na "Otrochestvo" i "Iunost'" L.N. Tolstogo* [Two Versions of the Portrait of a "Man of Intense Consciousness": "Notes from the Underground" by F.M. Dostoevsky as a Creative Response to "Boyhood" and "Youth" by L.N. Tolstoy]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics]. 2025, vol. 7, no. 2, pp. 142–175. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-142-175> (In Russ.)

Korablev A.A. *Kontury russkoi literatury v "zapiskakh na manzhetakh" Mikhaila Bulgakova* [Contours of Russian Literature in Mikhail Bulgakov's "Notes on

the Cuffs"]. *Donetskie chteniia 2024* [Donetsk Readings 2024]. Donetsk, Donetskii natsional'nyi universitet Publ., 2024, pp. 233–235. (In Russ.)

Kotova M.A. *Mikhail Bulgakov v moskovskikh redaktsiakh: "Zapiski na manzhetakh"* [Mikhail Bulgakov in Moscow Editions: "Notes on the Cuffs"]. *Mikhail Bulgakov v potoke rossiiskoi istorii XX–XXI vv.* [Mikhail Bulgakov in the Stream of Russian History of the 20th–21st Centuries]. Moscow, "Muzei M.A. Bulgakova" Publ., 2022, pp. 50–64. (In Russ.)

Krivosheeva I.A. *Apokalipticheskie motivy v povesti M.A. Bulgakova "Zapiski na manzhetakh"* [Apocalyptic motifs in the story of M.A. Bulgakov "Notes on the Cuffs"]. *Nauka segodnia: vyzovy i resheniia* [Science today: challenges and solutions]. Vologda, "Marker" Publ., 2016, pp. 118–119. (In Russ.)

Kur'ianova V.V. *Mif o L.N. Tolstom v russkoi literature nachala XX veka: diss. ... dokt. filol. nauk* [The myth of L.N. Tolstoy in Russian literature of the early 20th century: DSc thesis] Simferopol', 2015, 477 p. (In Russ.)

Lakshin V.Ia. *Mir Mikhaila Bulgakova* [The world of Mikhail Bulgakov]. *Bulgakov M.A. Sobr. soch. v 5 t. T. 1.* [Bulgakov M.A. Collected works in 5 vols. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya litetarura Publ, 1989, pp. 5–70. (In Russ.)

Lur'e Ia., Roginskii A., Chudakova M. *Kommentarii* [Comments]. *Bulgakov M.A. Sobr. soch. v 5 t. T. 1.* [Bulgakov M.A. Collected works in 5 vols. Vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya litetarura Publ, 1989, pp. 549–622. (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Zhizn' s geniim: zhena i docheri L'va Tolstogo* [Life with a Genius: Leo Tolstoy's Wife and Daughters]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attiкус Publ., 2025. 928 p. (In Russ.)

Khristenko D.N. *Russkie klassiki i sud'ba Rossii v proizvedeniakh amerikanskogo pisatel'ia Morisa Khindusa* [Russian Classics and the Fate of Russia in the Works of the American Writer Maurice Hindus]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2025, vol. 7, no. 2, pp. 240–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257> (In Russ.)

Shteiman M.S. *Ispovedal'nye intentsii v "Zapiskakh na manzhetakh" M. Bulgakova* [Confessional intentions in M. Bulgakov's "Notes on the Cuffs"]. *Filologos* [Filologos]. 2016, no. 31(4), pp. 89–93. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.